Я не ангел

Автор:
Ольга Соврикова

Я не ангел

Ольга Геннадьевна Соврикова

Она – ангел! А я – нет. И благодаря тому, что мы нашли друг друга, я смогла зажить новой жизнью после смерти. А вот те злоключения и чужой муж, что прилагаются к телу, дарованному мне случаем, это уже целая история!

Ольга Соврикова

Я не ангел

Ольга Соврикова

* * *

Я видел пьяниц с мудрыми глазами.

И падших женщин с ликом чистоты.

Я знаю сильных, что взахлёб рыдали.

И слабых, что несут кресты.

Не осуждай за то, в чём не уверен.

Не обещай, если решил солгать.

Не проверяй, когда уже доверил.

И не дари, планируя отнять.

Заповедь поэта Георгий Шелд

Пролог

Я старая, мертвая стерва. Почему старая? А потому, что буквально на днях отпраздновала свое очередное день рождение. В который раз отметила свое пятидесятилетие. Ну, кому интересен хвостик в пятнадцать лет прилагающийся к этим пятидесяти? Уж точно не мне! Почему мертвая? Да потому, что дура! Шестьдесят пять лет прожила почти как умная, а потом «главный процессор» завис, затупил и… Замуж вышла. За молодого! В общем, вышло точно так, как русские говорят – «Дали ему год, а он отсидел двенадцать месяцев и вышел досрочно!». Так и я… Протупила двенадцать месяцев и поумнела досрочно. Вспомнила, что жутко мстительная и с очень плохой памятью. Причем тут память? Так отомщу и забуду. Опять отомщу и опять забуду. Да только мстю свою я так и не успела осуществить. Недооценила любимого. Хотя почему не успела? Успела. Вот только результатом насладится, посмеяться и позлорадствовать – нет. Так и умерла, счастливой, красивой, богатой стервой.

Почему все-таки стерва? Так потому что богатая. А кем еще может быть шестидесятипятилетняя тетка, создавшая свой собственный, успешный бизнес с нуля и сумевшая удержать его в своих руках в девяностые. К тому же еще красивая, одинокая, ни мужей, ни детей, ни близких родственников. Никого. Ну, почти никого. Бесы попутали. Расслабилась. Бизнес налажен. Расширяться я больше не планировала. Собиралась начать жить для себя, ездить по миру, отдыхать. Я всегда очень придирчиво относилась к своей внешности, а потому выглядела соответствующе, великолепно. Именно поэтому мое пятидесятилетие так затянулось. Когда у тебя есть деньги и хорошая наследственность, выглядеть хорошо вовсе и не сложно.

Как он меня подловил? Как ни старалась, ни вспоминала, так и не смогла до конца понять. Никогда не была доверчивой дурочкой. А тут… Как перемкнуло! А его можно охарактеризовать одним словом – профессионал и не просто, а вышей пробы. Красив, умен, артистичен и очень осторожен: в словах, поступках, действиях. Короче, Щтирлиц отдыхает.

Ах, как он ухаживал? Какие слова говорил? Какие подарки дарил, необычные. Полевые цветы, букеты из осенних листьев, пек пирожные и круассаны. Готовил! Делал массаж. Водил в рестораны, оперу, казино. И всегда расплачивался сам. Всегда сам! О! Теперь я знаю, что все, что потратил на меня, он уже получил назад и рассчитывает теперь получить еще больше. Намного больше! И, несомненно, уверен в том, что получит. Я же на него завещание через десять месяцев совместной жизни оформила. Вот он после этого и расслабился. Совсем немного.

Но мне хватило! И я очнулась от дурмана под названием любовь. Начала свою игру. Все подготовила. Была уверена, что все учла. Все проконтролировала! Вот только актриса из меня вышла видимо не очень хорошая. Чем-то я его напугала. Он рванулся из моих тщательно расставленных силков и в итоге я умерла. В день своего рождения. Как истинная женщина, а в простонародье – дура.

Вот только плохо меня знает не только милый мой ненаглядный, но и этот кто-то, в небесной канцелярии, кто решил, что мне пришла пора умереть! Я не все доги еще отдала на этом свете, не со всех долги взыскала! Придется им, там, наверху, ну или внизу, меня подождать! Дела у меня есть еще, здесь, на земле, незаконченные.

Впрочем, дальше немного о себе, о нем и о мести…

Глава 1

Я, Бестужева Евгения Александровна. Ничего так фамилия, правда? Всю жизнь ею гордилась. Историю рода Бестужевых знала назубок. Хоть так и не нашла подтверждения родства нашей семьи с этим дворянским родом, но продолжала в душе верить в то, что имею полное право считать их своими предками. В пять

лет от роду я осталась сиротой и была отдана на воспитание прабабушке Антонии. Суровая леди. Суровое воспитание маленькой меня. Да в нашем дворе даже голуби гадить боялись! Нет… Ну, правда! Они в наш двор и не залетали никогда. Это был маленький закрытый дворик в старой Москве. В нашем доме имелось два подъезда и двенадцать квартир. Никаких старых и новых русских, никаких машин. Через узкую арку, ведущую в наш двор, они просто не смогли бы протиснуться. Порядок и во дворе и в доме всегда был просто идеальным. Даже пьяница, дядя Миша, скользил в дни своих «падений» по двору словно тень. А вдруг мадам Антония, увидев такое непотребство, соизволит разгневаться? Нет… Бабуля никогда не кричала и даже голос никогда ни на кого не повышала, но с ее мнением считались все, даже живущие в нашем дворе мальчишки.

Время словно замерло в маленьком дворике.

Она была настоящей леди, и я тоже, благодаря ее воспитанию, а еще вечной виноватой. Советских детей бесило во мне все, даже то, как я ходила. Мне было очень нелегко, но я не хотела огорчать единственного родного мне человека и старалась быть леди назло всем. Пока она была жива, мне это удавалась. Бабушка была бесконечно терпелива и добра со мной. Учила манерам, языкам, музыке, рисованию. От нее я узнала много такого, о чем мои сверстники и не подозревали, а уж в историю аристократических родов России я была просто влюблена. Но ничто не длится вечно. Бабулечка умерла, когда мне только-только исполнилось восемнадцать. К тому времени я уже профессионально играла на фортепиано, неплохо рисовала, разговаривала на французском и английском языке, училась на первом курсе исторического факультета.

Институт пришлось бросить и отправиться на курсы парикмахеров. Затем был заштатный салон, изматывающая работа с очень плохой зарплатой и неумолимо бегущее время. К концу моей личной пятилетки я поняла, что жила все эти годы не на свою зарплату. Ее мне хватало только на оплату коммунальных услуг и скромное питание, с остальным меня выручали накопления моей бабушки. Как оказалось, все эти годы я потихонечку продавала все то немногое, что имело ценность. У меня были мои собственные клиенты, мастерство, признание коллег. Но не было денег и будущего. Чем бы дело кончилось, в конце концов, неизвестно, но грянули девяностые, и я решилась на авантюру. Продала квартиру, купила в центре Москвы маленький салон и начала свое дело. Новые инструменты, новое оборудование, ремонт и наработанная клиентура. Дело пошло. И никто из тех, кто знал меня в те годы, не подозревал, что сплю я на короткой кушетке в маленькой каморке, спрятанной за неприметной дверкой

зала для посетителей, и готовлю там же на маленькой плитке, что все оставшиеся у меня вещи хранятся в гараже у подруги. И все же несмотря ни на что, я каждое утро встречала посетителей во всем блеске своей красоты, с улыбкой и хорошим настроением. Высокая, ростом метр восемьдесят пять, с тяжелой гривой ухоженных волнистых волос, безупречным маникюром и макияжем, серыми глазами и четко очерченными губами я нравилась мужчинам, но вот только времени на них у меня не было совершенно. Сначала работала и очень старалась не прогореть, а потом выжить.

В очень трудное для меня время, появился он. Его люди изначально должны были видимо вежливо «попросить» меня подарить им мой набирающий популярность салон, но я заартачилась, оказалась упрямой, неразговорчивой и меня, опять же «добровольно», отвезли на встречу с ним, Матвеем. Он был старше меня на двадцать пять лет. Его биография наверняка была задокументирована нашей доблестной милицией в нескольких томах и хранилась в их архивах как реликвия. Суровый, жестокий и очень умный, он решил, что я должна принадлежать ему и не оставил мне выбора.

Да, у меня не было в жизни любви, но был мужчина, который заботился обо мне не только при жизни, но и после смерти. Я никогда не брала у него денег на развитие бизнеса и даже несколько раз пыталась спрятаться от него, но меня всегда находили, и мне пришлось примириться с его присутствием в своей жизни. Он научил меня быть не просто леди, а леди-стервой, той, которая может не только принять решение, но и выполнить его, не оглядываясь на мнение других людей. Он уделял мне очень много времени и, мне кажется, я знаю почему. Ему безумно нравилось лепить из меня леди-совершенство. А какое совершенство устроит матерого вора в законе?

Он играл мною, «ломал и складывал» вновь так, как считал нужным. А я… Я плакала кровавыми слезами, но в конце концов стала хитрой, осторожной, жесткой, научилась виртуозно владеть заточкой, водить любой транспорт, лишь бы у него были колеса, без промаха стрелять из всего, что могла поднять, выпутываться из веревок, вскрывать наручники и замки. А еще… Еще я научилась мстить и убивать. Кто-то поморщится, кто-то осудит, но я не о чем не жалею. Я дожила до шестидесяти пяти и, все-таки, стала не просто леди, а Леди-стервой.

Двадцать лет Матвей стоял за моей спиной. И за эти двадцать лет я сумела не только создать сеть элитных салонов «Леди», но и остаться их единоличной

хозяйкой. К моменту моего фееричного замужества имела в собственности элитную квартиру в центре города, шикарный особняк в пригороде столицы, дом во Франции, виллу в Италии, личную лошадь, пять скоростных машин и тридцать салонов красоты, обслуживающих клиентов по самому высочайшему разряду.

Ну, что же… И на старуху бывает проруха. Вышла замуж. Муж принял мою фамилию. И обрушилось на меня счастье.

Умерла я в аккурат на свой двойной юбилей, два года супружеской жизни и шестидесяти пятилетие.

И все же я не считаю себя проигравшей. Ровно год назад заподозрила моего ненаглядного в нечестной игре. Звериное чутье, взращенное во мне Матвеем, наконец-то пробилось к моим затуманенным мозгам, и я натравила на мужа свою службу безопасности. Его пасли поминутно и долгое время ничего не находили, но к тому времени моя интуиция вопила как ненормальная, и я заставляла людей проверять его вновь и вновь. Моя упертость была вознаграждена. Мальчик мне попался талантливый, осторожный и очень терпеливый. Он словно искусный рыбак подсекал меня как чуткую пугливую рыбину и, если бы не уроки Матвея, у него бы все получилось. А так… Прошлое есть у всех. Вот оно, это прошлое, его и подвело.

Обиженная женщина – страшный зверь, а обиженная женщина в возрасте – апокалипсис в юбке. В его прошлом были и другие женщины и все они мертвы, но даже мертвые иногда могут многое о чем поведать. Заговорила для меня одна из его четверых, без сомнения, любимых жен. Не сама конечно, много интересного рассказали оставшиеся у неизвестного и неинтересного никому адвоката документы. Они были состоятельными женщинами. Все были влюблены в своего юного заботливого мужа. Платили за его образование, а он старался их не разочаровывать. Учился, обхаживал, ухаживал, был ласковым словно котенок. Вот только в браке больше двух-трех лет ни одна из них не прожила. Каждая из них оставила его единственным наследником своего имущества. Он прокололся только с первой женой. Молодой еще был. Гормоны в голову ударили. Загулял. Жена же, баба битая, недоверчивая, проследила за ним. Компромат успела собрать, но изменить ничего не успела. Умерла. А мальчик научился осторожности. Определил приоритеты и больше не ошибался.

Никаких гулянок и молодых свистулек. Все честно и благородно. И вдовцом он становился совершенно случайно. Несчастные случаи с каждым могут случиться.

Моему Иванушке они ничем повредить не могли. Он так и остался для нашей доблестной полиции вне подозрений. Не повезло ему только в одном. Его пятой любимой в возрасте, была я. А я прекрасно помнила о своем завещании, в котором в случае своей смерти, все движимое и недвижимое имущество оставляю своему мужу. Обиженной мне очень хотелось его наказать. Потому как при моем отличном здоровье лично я собиралась прожить еще лет сорок, а мой красавчик приглядывал себе виллу на тропическом острове и проживать он там, как оказалось долго и счастливо, собирался вовсе и не со мной.

С кем? Так с той, с которой даже не встречался почти. Его Джульетта преданно ждала «героического» возвращения своего любимого дипломата из-за границы, изучая философию в университете. Никаких встреч. Только редкие контакты по интернету. Но след был и его нашли.

Нет… Я не стала переписывать завещание. Я начала продавать имущество. Сначала виллы, затем сеть салонов, квартиру, особняк. Квартира была продана быстро, но, как и особняк, оформлена в аренду на мое имя на пару месяцев следующих после оформления сделки. И самое главное, я снижала цену покупателям, если они соглашались не афишировать свою покупку до моего юбилея или в случае моей смерти, до моих похорон. Собираясь оставить любимого не только без наследства, но и без «честно» заработанного до меня, я, кажется, сделала все, чтобы он ни о чем не догадался раньше времени. И все же, или я не успела совсем чуть-чуть, или он поторопился…

Я перевела все свои накопления в швейцарский банк на счет для предъявителя ключа и зашифрованного пароля, оформить в нескольких Российских банках карточки на предъявителя. Купила в маленьком Уральском городке заброшенную усадьбу одного из потомков купеческого рода Демидовых. Оформила ее на имя крепкого еще старика, проживающего после нашего с ним знакомства уже не в доме престарелых, а в небольшом домике, что отстроен чуть в стороне от господского и использовался ранее видимо для проживания прислуги. Василий Фомич, генерал в отставке, колоритный мужик, суровый, неподкупный, а потому никому не нужный, ни властям, ни детям, продавшим все, что можно, и уехавшим за границу. Его, не захотевшего покидать Родину, сдали в дом престарелых, как устаревший утиль на помойку. А он – замечательный. Наняла ему в помощь четверых мужиков для охраны и ухода за территорией. Поселила их во флигеле, стоящем почти у самых въездных ворот, и велела им всем ждать приезда хозяйки, узнать которую они смогут по предъявленным документам на дом, из которых будет ясно, что Лиев Василий

Фомич продал усвою усадьбу именно ей. Старшим, конечно же, остался генерал. А мужики и не протестовали. Выброшенные на обочину жизни одиночки, прошедшие горячие точки, они уже отчаялись найти достойную работу. А тут я. Повезло и мне, и им. Теперь у них есть жилье и зарплата, а у меня преданные люди. Реконструкцию дома и конюшни я провести успела, оборудовала его по последнему слову техники и вооружения, как законного, так незаконного, а вот ограждением огромной территории и прилежащим к нему монолитным забором начал заниматься мой генерал. Приготовила несколько пакетов документов на разные имена, купчую на дом без внесения в нее имени владельца, потому как еще не решила к тому времени как назовусь. Почему сама хозяйкой не назвалась? Так рассчитывала, как можно качественней сменить не только имя, но свой внешний облик.

Деньги в нашем мире решают много, а потому у меня все получилось. Я продумала каждый свой шаг, собираясь исчезнуть необъяснимым образом на утро после своего юбилея, оставив нетронутыми свои вещи и безделушки. Вот только мой Иван-царевич подсуетился на четыре дня раньше меня. Или это не он, а та девчонка, которая ухаживала за моей любимицей Нарциссой?

Моя красавица лошадка! Мне так тяжело было расстаться с ней! Я так переживала, что отправилась в тот день в элитный конный клуб уже под вечер, попрощаться. Меня нельзя было назвать профессиональным наездником, но малый тренировочный круг с препятствиями для начинающих мы с моей девочкой проходили с большим удовольствием и легкостью. В этот раз препятствия оказались для нас обоих непосильными. Я успела почувствовать, как перехватывает дыхание у моей лошадки, как отчаянно она пытается преодолеть совсем не высокий брус, но… Мы упали… Мир перевернулся и погас.

Глава 2

Осознать себя вновь мне помог нудный монотонный голос. Я не могла заставить его замолчать, и потому мне пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы понять, о чем он говорит. И я поняла. Не только поняла, но и увидела того, кто нудит рядом со мной! И не только его.

Самым большим потрясением в первый момент для меня стал не огромный список моих повреждений, которые в данный момент зачитывал толстый, лысый коротышка в белом халате и не стоящий со скорбным выражением лица у моей кровати муж, а то, что я смотрела при этом на себя саму со стороны… Меня в этой палате, а это несомненно именно больничная палата, сейчас две! Одна я лежу в кровати, замотанная бинтами, судя по всему, до ног, с лысой головой. А вот вторая я, вся такая великолепная, в костюме для верховой езды, стою позади обсуждающих мое состояние мужчин. Та, в кровати, очень бледна, краше в гроб кладут. И я сейчас в бестелесном облике выгляжу не намного ярче. Вся какая-то полинявшая, что ли…

Как мне удалось вскоре догадаться, вторую меня никто не видит. Выходит: я уже почти мертва? Жить после всего услышанного от доктора мне расхотелось. Я знаю точно, что любимый муж «позаботится» обо мне. Его тоже наверняка не прельщает перспектива ухаживать за старой инвалидкой. А кем я еще могу стать, если выживу? Пробита височная кость черепа, повреждены шейные позвонки, сломана в четырех местах правая рука, раздроблена кисть левой, переломы обеих ног и на закуску: перелом позвоночника – живой пока еще труп! Как я поняла, голову и шею я повредила, приложившись хорошенько об угол деревянного бруса, когда падала, а вот все остальное… Это на меня упала со всего маху моя лошадь. А потом она бедняжка еще и встать попыталась.

И вот теперь, после десятичасовой операции, я лежу в персональной палате, подключенная к аппарату искусственно дыхания. За моим состоянием следит умная аппаратура, а супруг и врач теперь стоят рядом и обсуждают мое состояние.

Спустя какое-то время доктор закончил «причитать» и начал заглядывать в глаза моему Иванушке, требуя от него решения. Держать ли меня и дальше на аппаратах? Или… Мой молодой муж сделал слезки и обещал подумать. На этом его посещение больницы в этот день закончилось, а я, к своему ужасу, обнаружила, что не могу покинуть стены этого скорбного заведения для того, чтобы последовать за ним и посмотреть, чем он будет заниматься. А еще мне бы, конечно, очень хотелось узнать – что же, все-таки, произошло с моей лошадью?

На следующий день мой дорогой явился ко мне в палату в сопровождении следователя, и я узнала, что девчонка, ухаживающая за моей лошадью, ввела

моей Нарциссе препарат, парализующий дыхание. Где она его взяла? Оперативники узнать пока не смогли, но вот то, что накануне она внесла крупную сумму денег на оплату операции для своей младшей сестры, раскопали. Только мне это уже ничем не поможет, да и девчонку не вернет. Повесилась она в деннике моей кобылы. Пока скорая, полиция, ветслужба клуба оказывали мне помощь и разбирались в произошедшем, она и свела счеты с жизнью. Дура набитая! Будет жить ее сестра или нет никто не скажет. Поможет ли ей эта операция? А старшую дочь ее родители уже потеряли. Указала бы на моего благоверного, как на организатора, отсидела бы лет пять и жила бы дальше. Какие ее годы? А она? Я и говорю… Дура! Во мне даже обиды на нее нет. К концу своей жизни я поняла одно – «Добро должно быть с кулаками», иначе ему не суждено будет выжить. Не все можно оправдать, но простить можно, если не все, то многое, а за остальное нужно мстить.

В тридцать лет я убила первый раз. И, если бы мне довелось вернуться в тот момент жизни, убила бы еще раз. За всю жизнь у меня была лишь одна настоящая, верная подруга. Вот она и погибла вместе с мужем и сыном пяти лет от рук обычного начинающего воришки. Он перепутал адрес. Залез ночью в квартиру, в которой хозяева были дома и вместо того, чтобы покинуть ее, не потревожив спящих людей, он перерезал им горло, а вышедшего на шум из детской мальчика пырнул в живот. Бедный малыш умирал долго, в жуткий мучениях. По моей просьбе люди Матвея только нашли его, а месть воплощала я сама, зная, как везет ныне преступникам в гуманных судах.

Реальная жизнь – не сказка, она заставляет бороться и выживать. Это понимают со временем даже самые глупые. Поняла это в свое время и я, а вот погубившая меня девчонка понять не успела. Очень жаль.

А, что же следователь? О! Оказывается, следствие уже успело прийти к выводу, что наняли самоубийцу конкуренты клуба, и потому убивала девчонка лошадь, а я убилась совершенно случайно. Меня ведь не должно было быть на конюшне в тот день! Ага… Ага… Вон как у Ванечки глазки заблестели! Доволен. Все! Завтра получит заключение следствия о закрытии дела и отключит меня болезную от аппаратов. Ну, что же? Умерла, значит умерла. Жаль не увижу, как муж начнет с наследством разбираться, а я на него еще и кредит на пару тройку миллионов повесила. Машину ему купила. Крутую. Дорогую. Жаль только «разбилась» она в хлам в день покупки, но продавцы же не виноваты? Платить хочешь, не хочешь, а придется ему! Вот такая я добрая и заботливая. Леди, короче, само совершенство!

Глава 3

Скучно! Всю больницу уже почти обошла, даже в морге была. Последний, самый верхний этаж остался. Жаль не обратила внимания на название отделения на нем расположенного, а то не пошла бы. Что я людей в коме не видела? Сама такая лежу! Только меня на аппаратах держат, а они почти все сами справляются. Тишина на этаже жуткая. Две медсестрички дежурят за кружкой чая в тесном кабинетике и все. Все остальные спят «мертвым» сном. Тусклое освещение позволяет мне разглядеть всех постояльцев этих апартаментов. В каждой палате по шесть коек. Палат десять. Все койки заняты. Сильно старых людей нет, но зато есть дети. Подросток лет четырнадцати, из-за первой любви пострадал наверное, и девчушка лет пяти-шести. Лежат. Молчат. Разговаривать и на вопросы отвечать «не хотят». Приборы только еле слышно попискивают. Не интересно.

Собираясь уходить, обратила внимание на таблички, закрепленные на кроватях. Пошла в обход палат еще раз и обнаружила интересную вещь… Я еще вчера заметила, что сквозь стены, двери, мебель, то есть все неживое, прохожу не задумываясь, а вот живое меня словно окидывает. Так вот… Не всех лежащих на кроватях моя наглая сущность причислила к живым! Как я это поняла? А очень просто! Провожу рукой… Если рука встречает препятствие живой, если проваливается сквозь – условно мертвый. Тело есть, души – нет. А это может значить только одно, от комы он точно не очнется.

После этого своего открытия я всех условно спящих проверила. В самой последней еще раз внимательно прочитала то, что написано на табличке, прикрепленной к кровати, на которой лежит маленькая девочка. Оказывается, в коме она лежит уже больше пяти месяцев и не одна, а вместе с отцом и матерью. Вот они рядом. И что самое страшное… Отец – жив, а мать и девочка условно мертвые.

И ведь я их для надежности несколько раз проверила. А вдруг ошиблась?

Никогда в жизни не пугалась так, как в тот момент, когда позади меня в палате со «спящими куклами» заговорил ребенок. Была бы живая, поседела бы в

момент. Я как раз склонилась, разглядывая молоденькую женщину, лет двадцати, очень худенькую, с короткими, рыжими и очень густыми волосами, пухлыми губками и милым личиком, – а если точнее, то ту самую маму.

– Мама ушла. Ее уже нет.

Заорать я не заорала, а вот в строну шарахнулась ну очень стремительно. Да так, что в коридор вывалилась. Честно сказать, вернуться решилась не сразу. Но хорошенько подумав, пришла к выводу, что умереть второй раз и уже от испуга я вряд ли сумею, а узнать, кто же там такой разговорчивый, очень хочется. Узнала.

В самом темном углу палаты сидела маленькая девочка, а если точнее, то тусклая копия той малышки, что меня так заинтересовала.

Присев на корточки рядом с ней поинтересовалась:

– Давно ты тут сидишь?

– Давно, – прошелестел безэмоциональный голосок ребенка. – Как мамочка ушла, так и сижу. Я тут прячусь.

– Зачем?

– Мамочка ушла туда, где много света, а я папу жду. Мне без него плохо.

– Она тебя с собой не взяла?

– Нет. Она просто ушла. Мама всегда говорила, что я ей всю жизнь испортила. Карьеру погубила. А папа меня своей принцессой называет, я без него не пойду. Ей там без нас сейчас, наверное, лучше.

– Тебе здесь не страшно?

– Страшно, но я все равно никуда не уйду. Меня здесь никто не видит. Я хорошо спряталась. Могу теперь долго ждать. Папочка обязательно меня заберет. Вот выздоровеет и заберет.

Что я могла сказать этому ребенку? Чем помочь?

– Конечно заберет. Ты извини, мне идти пора. Если я смогу, то навещу тебя еще раз. Можно?

– Можно.

Больше она ничего не сказала, и я ушла. Ушла к себе в почти уже родную палату и впервые за эти последние безумные дни заплакала. И плакала я из-за нее. Еще в молодости узнав о том, что из-за болезни я никогда не смогу быть мамой, я переплакала это известие, пережила его, стала жить дальше. И вот сейчас мое прошлое перехлеснулось с настоящим, причиняя боль.

Новый день я встретила так же, как и она, пытаясь спрятаться в темном уголочке.

Глава 4

Он дал разрешение на отключение меня от аппаратуры, поддерживающей мою жизнь. Мое сердце остановилось, и я окончательно умерла. Вот только уйти туда, куда меня так настойчиво после этого «приглашали», не захотела. Слишком сильно хотелось увидеть итоги моей мести, слишком сильно переживала за одинокую малышку, сидящую в темном уголке затемненной палаты.

Умерев, я наконец-то смогла покинуть как само здание больницы, так и его территорию. Даже на похоронах своих побывала.

Парик мне не понравился. Сэкономил зараза. Мои шикарные черные волосы обрили, а дрянь какую-то на мою головушку напялили. А ногти? Они же в тот день обломались все! Так никто и не подумал нарастить их вновь!!! Лежала словно голая. А макияж? Тому, кто его на мое лицо накладывал, я бы лично руки оторвала. А украшения? Он даже крестик с меня снял! Но это ладно… Пусть радуется. В доме все равно никаких подлинных драгоценностей не осталось, сплошная бижутерия, а эксклюзивные наборы – якобы в чистке. Пусть поищет,

что и где… А где? Продала! Цветы, правда, были красивые. Батюшка симпатичный. Гости вежливые. Некоторые даже по-настоящему скорбели. Поминки шикарные. В конце, правда, некоторые поминающие кричали «Горько!», но мне лично даже понравилось. Никогда не понимала обычая говорить хорошо на похоронах о гадких личностях и мерзавцах. Тварь она и после смерти тварь, а стерва она и после смерти стерва.

А милый-то, с трудом дождался окончания скорбных поминок и, вздохнув с облегчением, сел в свою личную машину отбыл в мой личный особняк. Ну, по крайней мере, он еще до недавнего времени был моим. Вот там он и отметил мою кончину по-настоящему. Думаете, гостей позвал? Фигу! В одного нажрался и высказал моему портрету все, что обо мне думал!

Узнала о себе много нового. Вот так живешь, живешь… И на тебе! Получите и распишитесь!

Два дня пил. Не верил, наверное, до конца, что избавился от меня, а потом поскакал к адвокату и с облегчением узнал, что завещание свое я не изменила и все мое теперь его. Обрадовался. То, что от всего уже ничего не осталось, это уже дело десятое…

Веселье началось в этот же день ближе к вечеру. В дом к моему милому пожаловал солидный дядечка с крутой охраной и попросил его освободить занимаемый им дом, предъявив договор купли продажи. При чем, забрать из особняка мой муж мог только личные вещи: одежду, машину, опять же только свою, драгоценности. Как он не качал права, как не возмущался, а на выходе его вещи были тщательно проверены. В квартире, куда он приехал уже ночью, его тоже встретили новые жильцы, имеющие на руках документы в которых черным по белому было написано, что данная жилая площадь продана вместе со всем, что в ней имеется.

Ночевали мы с ним в гостинице. Ну, как ночевали? Он по номеру метался, а я наблюдала за моим красавчиком и его разочарованием, но все же самое интересное он узнал на следующий день, метнувшись в главный офис моей не такой уж и маленькой компании. Узнал, что она вот уже несколько месяцев принадлежит другому человеку. А уж на то, чтобы разузнать о том, что домик во Франции и вилла в Италии тоже проданы, много времени ему не понадобилось. Что он сделал? Нанял адвоката и детектива для того, чтобы один расследовал все случившиеся и узнал, куда я дела деньги, полученные от продаж, которые

он надеялся найти и унаследовать, а другой проверил правомочность заключенных мною сделок.

Все! Кредиторы его нашли еще через неделю и заставили отдать последнее. Он конечно и сам попытался найти мои исчезнувшие деньги. Сунулся в конный клуб. Ведь это было последние место, что я посетила, но его туда не пустили. Да, в клубе было помещение с персональными сейфовыми ячейками для клиентов. Оно неплохо охранялось, но войти туда можно было только имея на руках маленький ключик с серебряной гравировкой, а мой муж такого ключика на руках не имел. Сейфовые ячейки в клубе не были именными, а потому никто даже в самом клубе не смог бы ему сказать какая из них моя. Нет, сказать ему, что ключ у меня на руках был, они могли и даже разрешить потыкать им в поисках моей ячейки, тоже. Вот только не было его и в моих вещах, которые он получил от следователя. Не повезло ему.

У меня в тот день, конечно, был такой ключ. Именно в клубной ячейке лежали несколько карточек на предъявителя и мои новые документы, но дело в том, что с некоторых пор я не носила его с собой. Он был спрятан в деннике моей лошади. Надежно спрятан. Найти его случайно, да и намеренно, не сможет никто. А детектив? Что детектив? Ничего он не нашел. Нет, узнать о том, как и где я совершала сделки, он смог, а вот проследить дальнейшие мои перемещения, о которых я не собиралась никому сообщать, нет. Матвей мог бы гордится мной. Я замела следы как матерый уголовник. Вот только теперь все это мне не к чему.

Очень скоро мне надоело мотаться вслед за своим бывшим мужем и слушать его стенания и ругательства. Денег у него теперь не было, от слова совсем. Вещей почти не осталось. Все, что можно – он продал, как и машину с трехкомнатной квартирой, о которой я даже и не подозревала, погашая кредит, потому как доказать, что он его не брал, не смог! Драгоценности мои он тоже не нашел. Не было в банках счетов на мое имя, не было и ячеек, которые он мог бы наследовать. Зарос. Оброс. Одежонка так себе. Не привык милый мой жить на копейки, а потому захомутал по-быстрому невзрачную тетку, торгующую на рынке, и пристроился на ее диване. Вот только миллионы мои пропавшие ему покоя не дают, и чтобы забыть их и меня, красу ненаглядную, и то, как он лоханулся, приналег красавчик Ваня на пивко и не только. Так что, думаю, убивца для него искать не стоит. Сам справится.

Да и не нужна мне его смерть. Старый продавленный диван и потная тетка в придачу намного более худшее наказание для него, чем смерть. Для того, чтобы подцепить богатую даму, ему нужно выглядеть богато и независимо. Одна беда, денег у него на классный прикид нет, а работать он разучился.

Глава 5

И все-таки я вернулась в ту больницу, где умерла, в ту палату, где осталась маленькая девочка по имени Василиса. Только тишины в этой палате больше не было. Ор стоял такой, что меня горемычную чуть не сдуло, когда я туда «вошла». Орали две особы похожие друг на друга, как родные сестры. Обе высокие, полные, громкоголосые, с крупными чертами лица. Только одна в белом халате с розовыми волосами, а другая в платье с волосами, выбеленными перекисью. Их бы на арену цирка, подковы гнуть, а они в палате, где больные люди лежат, разборки устроили. Я бы на месте этих полумертвых особей, что лежат на кроватях, повскакивала уже и по домам разбежалась, а они ничего… Лежат себе.

Девочку я нашла в том же уголочке, где и раньше. Присела рядышком и, дождавшись пока она на меня внимание обратит, и спросила:

– А это кто? И почему орут?

Ответ ошеломил.

– А это бабушка Лиза пришла к папе, а тетя доктор заставляет ее нас всех в другую больницу переводить или домой забирать. Говорит, не могут они за нами дальше смотреть. Или платить нужно, или забирать. Бабушка хочет только папу забрать, а нас с мамой советует в богадельню сдать. Говорит чужие мы, приблуды детдомовские. Вот и ругаются.

Ребенок замолчал, и я услышала, как ее бабуля спрашивает уже почти спокойно, может ли она забрать сына? И получает ответ, что если бы его жена была здорова, то тогда только с ее согласия, а так, хоть сейчас. Наоравшаяся и добившаяся нужного ей ответа, бабка, видимо не подумав хорошенько, ринулась

оформлять документы. Докторша поспешила вслед за ней и в палате наступила тишина. Но вот была она не долгой. Малышка, сидевшая рядом со мной, захлюпала носиком, и слезы ручейками потекли из ее глаз.

– Мама больше не вернется, – разобрала я ее всхлипывания. – А мне нельзя просыпаться, пока папа спит. Бабушка всегда говорила, что такое отродье, как я, должно жить там, откуда выползла моя мамаша. Если я проснусь, она меня чужим теткам отдаст, а если нет, то папу заберет, а я насовсем здесь останусь.

Мне повезло, я услышала ее: «А мне нельзя…», и, боясь надеяться, спросила:

– А ты знаешь, как можно проснуться?

– Знаю, – ответил мне бесхитростный, доверчивый ребенок и продолжил. – Я знаю как. Тут раньше дяденька лежал, тоже сначала спал. Потом телевизор у его кровати как запищал, все забегали, забегали. Начали кричать. А он вдруг такой, как я у кровати встал и начал за всеми смотреть, а потом как все опять заработало и все ушли, он лег на кровать и сам в себя провалился. Все опять запищало. Назад все прибежали, а он уже проснулся. Его потом сразу куда-то прям на кровати увезли.

Мысли с бешеной скоростью завертелись у меня в голове. А вдруг ангелы пошутят, пока боженька спит?

– Василиса…

– Меня папа Васенькой зовет, мама Васькой, а баба девчонкой и отродьем, когда папа не слышит, – перебила меня она, но надежда уже захватила меня в свои цепкие объятья и я настойчиво продолжила:

– Солнышко, а давай и мы с тобой так попробуем. Если у нас получится, мы с тобой папку бабушке не отдадим, и сами от нее потом уйдем. Не будем больше с ней жить.

Судя по вопросу, раздавшемуся сразу вслед за моим предложением, я сумела ее заинтересовать.

– А ты в кого проваливаться будешь?

– Ну, раз мама твоя ушла, то в нее, наверное.

– А если получится, ты будешь моей мамой?

– Буду.

– И никому меня не отдашь? – обнадежено шмыгнуло дитя носом.

– Никому, моя хорошая.

– И папу заберем?

– Обязательно заберем.

– Давай. Но только сначала ты.

– Нет, давай вместе. Порадуем бабушку, – малышка засмеялась и подала мне руки.

Ну, что? У нас получилось. Мы провалились. Приборы пищали, персонал бегал, бабка заламывала руки. А мы смотрели друг на друга и очень старались улыбнуться. Наследующий день из шипения Елизаветы Васильевны я узнала, что виновата по определению всегда и во всем: в том, что был гололед, в том, что машину занесло на повороте, и мы перевернулись. В том, что у меня был всего один перелом, а у моего мужа, ее сына, три, а главное в том, что посмела выжить.

На десятый день после того, как мы очнулись, меня и ребенка выписали из больницы, а вот Кирилл остался. Я матери не дала разрешение забирать его. Было у меня очень стойкое подозрение в том, что если она его заберет, то мы с ребенком больше его не увидим, а это в наши с ней планы никак не входило.

Что мы делали с ней целых десять дней до выписки? Мы знакомились. Вернее, я узнавала от малышки все, что она помнила. И чем больше узнавала, тем сильнее мне нравился этот ребенок. В тот день, когда мы переступили порог больницы и

вышли на ее двор, я поняла, что никогда и никому не отдам Василису, маленькое, зеленоглазое, рыжее солнышко, богом данную мне доченьку.

Глава 6

Все было не то и не так. Во-первых – я привыкла смотреть на людей с высоты своих ста восьмидесяти пяти, плюс каблуки, а теперь? Теперь табуретка выше меня! Метр в прыжке, и это если в вытянутой руке кепку держать. Дюймовочка, мать твою, как есть Дюймовочка. Маленькая, худенькая, слабая, как котенок и ребенок рядом такой же. Во-вторых – одеться нам пришлось черт знает во что! В больницу, теперь уже моя семья, попала зимой, а вышли мы из нее летом! Представьте – теплые брюки, футболки, зимняя обувь и зимние куртки, шапки и кофты в руках. Представили? Но и это еще не все! Добавьте ко всему этому наш изможденный вид. Все! Картина – «Сами мы не местные» или «Жертвы маньяка», во всей красе. Хорошо, что я в куртке деньги на дорогу нашла, за подкладку завалились, но в маршрутку нас все-таки попытались не пустить. Решили, что мы бомжи. А, что? Правильно решили! Бомжами мы чуть и не стали.

Как оказалось, прописаны мы в квартире Елизаветы Васильевны и проживали до аварии там же. И кабы не ее соседка по этажу, то ночевали бы мы в этот день во дворе на лавочке.

Ну, а если подробней, то… Добрались мы до «родного» дома уже ближе к вечеру. Встретила нас бабушка Лиза диким криком и сумкой с нашими вещами. Милая свекровушка все видимо хорошо продумала, и пускать нас на порог своего жилища была не намерена. В подъезд-то мы вошли вслед за соседями, а вот стоило нам только позвонить в квартиру, как мы сразу узнали все, что она решила нам сказать:

– Явились! Приблуды драные. Нет теперь моего сыночка! Угробили вы его, окаянные! Некому вас теперь содержать и потому в дом свой я вас не пущу. Ты, Ленка, все фотки делала. В модели собиралась? Сколько раз я тебе говорила, что такие, как ты, никому не нужны?!! Не берут в модели таких мелких, страшных, как рыжие тараканы, девиц! Тебя даже в поломойки не возьмут! Ты же ведро с водой не поднимешь! А тряпку выжимать так и не умеешь! Голодранка безрукая, бесполезная! Вон, нагуляла ребенка и моему сыну на шею

повесила.

Она орала, а мы сидели на ступеньках. Отдыхали и ждали, когда ей надоест кричать. Самое поразительное было в том, что малышка, сидящая рядом со мной, на словоблудие старухи внимания не обращала совсем. Привыкла к таким концертам, что ли?

А бабка все никак не унималась, и мне это начинало надоедать. Вот только концерт в подъезде устраивать очень не хотелось и, слава богу, не пришлось. Из квартиры напротив, показалась не менее колоритная, чем наша бабушка, дама и в момент заткнула нашу горлопанку. А я из ее монолога узнала много интересного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sovrikova_ol-ga/ya-ne-angel

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити